

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.5

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ТЕРРОРИЗМА.

© 2010 г. В. А. Чуланов, В. Н. Гурба

*Шахтинский институт (филиал) Южно-Российского
государственного университета (НПИ)*

«Живучесть» современного терроризма во многом обусловлена различными способами общественной поддержки этого социального явления. Именно этот фактор обуславливает устойчивость практики рекрутирования террористических кадров, идейную основу материальную и финансовую обеспеченность террористической деятельности. В статье рассматривается природа, источники и формы поддержки терроризма..

Ключевые слова: *терроризм; преступность; насилие; кланы; агрессия; поддержка; элита; ресурсы; рекрутирование; справедливость.*

«Survivability» of nowadays terrorism is caused in many respects by various ways of this social phenomenon's public support. This factor causes a stable practice of recruiting terrorist cadres, and an ideological basis for material and financial security of terrorists' activity. The nature, sources and forms of terrorism support are considered in the article.

Key words: *terrorism; criminality; violence; clans; aggression; support; elite; resources; appeal; justice.*

Специалистами и массовым сознанием терроризм определяется через негативные понятия – применение экстраординарного насилия, насилие против гражданских лиц, запугивание общества. Случайность выбора конкретных жертв терроризма (даже если эти люди как представители какой-либо группы, профессии являют собой символические цели) заставляет исследователей сделать вывод о насилии против невинных лиц как сущностной черте терроризма – «использование силы или угроза использования силы против невинных третьих сторон для достижения идеологических, финансовых или психологических целей» [22]. Но если терроризм – это незаконная, аморальная, преступная деятельность, террористическая виктимность – это случайные невинные

граждане, почему же терроризм находит социальную поддержку среди значительных групп населения?

Легко предположить, что такая незаконная, аморальная, преступная деятельность, осуществляется лицами с психическими, маниакальными отклонениями или террористические акты производятся «отдельными лицами или группами лиц, действующими по поручению какого-то правительства» [19]. Представления о внешних источниках и наемнической сущности терроризма разделяет большинство россиян. Согласно данным опросов Института социологии РАН, почти 80% респондентов убеждены, что террористы действуют, как наемники за деньги, и только 12% сочли их действия идейной борьбой [15]. Но, скорее всего, сле-

дует согласиться с Б. Дженкинсом, который отметил: «Относительно немного террористических движений целиком доморощенные и самодостаточные, хотя одинаково верным будет сказать, что если группа не имеет своих корней на родной территории, вряд ли она сможет процветать, независимо от наличия зарубежной поддержки» [21].

«Укорененность терроризма» включает, прежде всего, существование объективных условий производства и воспроизводства террористической деятельности в регионе, а также наличие сегмента населения, готового к вооруженному нелегитимному насилию. Как считает Г. Эрнст, «если бы у террористов не было какой-то социальной поддержки, их организации, при тех делах, которыми они занимаются, и тех потерях, которые они несут, давно бы распались или были бы ликвидированы. В действительности же оказывается, что они все время восполняют свои ряды, а кое-где даже расширяют их» [20]. Существование стабильных каналов рекрутирования террористов, несмотря на повышенный риск и постоянное «выбывание» действующих лиц, можно считать доказательством их социальной поддержки. Появление людей, готовых к вооруженному насилию вряд ли можно объяснить ссылкой на биологическую природу человека, генетические сбои в биологической программе, ведущие к тому, что в обществе появляются патологические личности, пребывающие в поисках способов сбрасывания психической агрессии, или испытывающие тягу к физическому насилию. Причина – действие социальных факторов, рассмотренных ранее, и социальная легитимизация юридически нелегитимного насилия.

Террористическая деятельность, как правило, совершается узким кругом лиц. Но как социальное явление терроризм невозможен без субъективного фактора – состояния общественного сознания и соответствующих практик, которые можно квалифицировать как ту или иную степень общественной поддержки терроризма. В этом вопросе следует поверить экспертному мнению известного политика. Л. Троцкий писал, что «случайный выстрел под влиянием личного аффекта возможен всегда. Но террористический акт,

заранее подготовленный и совершенный по поручению определенной организации, немалым, как учит вся история революций и контрреволюций, без сочувственной политической атмосферы» [16]. Данное высказывание совершенно справедливо, как в отношении российского революционного терроризма XIX в., так и современного российского терроризма. Наиболее яркий факт прошлого – оправдание судом присяжных террористки Веры Засулич за покушение на убийство петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, которое было воспринято с воодушевлением, как в зале суда, так и во всем российском обществе [10].

Проведенный после теракта в Беслане социологический опрос населения в Северной Осетии-Алании (руководитель – доктор социологических наук Х. В. Дзудев) показал, что некоторым социальным группам свойственно сочувственное отношение к представителям незаконных вооруженных формирований. Так, значительная часть опрошенных считает, что чеченские боевики пользуются поддержкой народа Чечни и Ингушетии (см. табл. 1 [5]).

Высока степень народной симпатии к террористам и в других странах. В некоторых арабских странах приветствуется террор против «израильских оккупантов». В 60-х годах поддержкой и сочувствием пользовались левые террористические организации, возникшие на волне антивоенного, антирасистского, антикапиталистического движений. И только угасание социалистической идеи среди населения западных стран на фоне капиталистической трансформации стран социализма привело к резкому спаду левого терроризма в Европе и США.

Отсутствие легитимности, жестокость, аморальность терроризма позволяют предположить, что такой способ решения проблем выбирают и поддерживают социальные маргиналы, лица без определенных занятий, с деформированными социальными связями. Во многом это предположение оправдывается. Но удивительным феноменом является поддержка терроризма интеллигенцией, образованными слоями населения. Это явление свойственно всему миру, но особенно ярко проявилось в российской

Таблица 1

**Представления населения Северной Осетии о поддержке боевиков
(в % от всех опрошенных)**

	Как Вы считаете, поддерживает ли народ Чечни боевиков, совершивших террористический акт в Беслане?	Как Вы считаете, поддерживает ли народ Ингушетии боевиков, совершивших террористический акт в Беслане?
Безусловно, да	9	16
Скорее да	22	29
Скорее нет	45	36
Безусловно, нет	12	8
Затрудняюсь ответить	12	11

истории. И как история показала, поддержка террора интеллектуальной элитой выступает мощным фактором его эскалации.

Интеллигенция в большей массе, чем рабочие и крестьяне, была вовлечена в терроризм практически. Известно, что в период с 1884 по 1890 год среди привлеченных к судебной ответственности террористов 73,2% были интеллигенты, 15,1% – рабочие, 7,1% – крестьяне [11]. Широкие слои образованного населения активно поддерживали террористов и публично выражали им симпатии. Начальник Петербургского охранного отделения генерал А. В. Герасимов писал, что в 1905 г. «особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских, даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры. Эти симпатии к ним привлекала их террористическая деятельность. Деньги в кассу их центрального комитета притекали со всех сторон и в самых огромных размерах» [18]. Активно соперничало террористам российское студенчество. Русский философ Иван Ильин вспоминал, что «в дореволюционное время среди русского студенчества считалось, что тот, кто все время отдает науке или искусству и, в сущности говоря, накапливает и бережет духовный и жизненно-реальный опыт, а от «общественности» и «политики» сторонится, тот «академист», «карьерист», «шкурник» и «реакционер» [6].

Столь же популярен был терроризм среди западного студенчества в 60-е годы. Основной контингент террористов включал

молодых людей не старше 30 лет с высшим образованием, выходцев из среднего и высшего класса. Молодежь составляла основную массу тех, кто проводил уличные манифестации и организовывал беспорядки [9]. В 90-е годы XX века также весьма благожелательным было отношение части российской интеллигенции к действиям чеченских террористов. Популярный в 90-е годы правозащитник С. Ковалев назвал Басаева «Робин Гудом с гранатометом». С его мнением были солидарны представители ряда средств массовой информации.

Является ли общественная поддержка терроризма суммой индивидуальных решений в пользу терроризма, т. е. результатом действий индивидов, сопоставляющих выгоды и издержки своих предпочтений? С. Жаворонков, К. Яновский с коллегами в целях своего исследования дополняют определение терроризма Государственного департамента США акцентом на рациональности насилия: «Терроризм – противозаконные и рациональные (обычно хорошо спланированные) насилие или угрозы такового против личностей, их имущества с целью устрашения и принуждения правительств и обществ для достижения политических, религиозных или идеологических целей» [4]. Акцент на рациональной компоненте терроризма позволяет авторам отказаться от иррациональных объяснительных гипотез и перейти к построению рациональных поведенческих моделей, в первую очередь, террористов, но также этот подход можно развивать для пони-

мания действий их сторонников.

Методологической посылкой объяснения рационального поведения террористов выступает работа Г. Беккера «Преступление и наказание: экономический подход», согласно основным положениям которой террористический выбор совершается по законам всякого рационального экономического выбора: индивид сопоставляет чистые затраты и выгоды возможного выбора и принимает решение. В данном случае, речь идет, прежде всего, о сопоставлении личных выгод и потерь кандидата в террористы, а ими могут быть не только достижение официальных целей террористической организации (такая цель вполне может быть интериоризирована), но и решение экономических проблем, достижение властных амбиций человека, удовлетворение авантюристических склонностей. Действительно, политических террористов XIX века можно охарактеризовать как профессионалов в том смысле, что они, не работая в формальных структурах, за счет террористической деятельности получали средства для жизни, возможность путешествовать не только в своей стране, но и ездить за границу. Точно также современные террористы зачастую находятся на содержании спонсоров. Фактором рационального выбора могут считаться и другие мотивы. Например, по словам П. Б. Струве «в революцию ворвалась струя прожигания жизни и погони за наслаждениями», в среде политических террористов оказались уголовники разных мастей [14].

Опираясь на концепт рационального выбора можно построить модели поддержки террористов определенными «кругами» общества или определенными слоями населения. В этом случае рациональная поддержка террористов базируется на процедуре рационального сопоставления выгод и потерь. Например, политики могут включать террористический фактор в собственные военные разработки как фактор рациональной стратегии войны, сопоставляя затраты и выгоды от применения «нестандартных» военных действий. Журналист может поддерживать террористов из «рациональных соображений», сопоставляя конкретную материальную выгоду от публичной поддержки терро-

ризма и абстрактную возможность оказаться их случайной жертвой в случае расширения поля их деятельности.

Но рациональные версии рекрутирования террористов и тем более рационализация их социальной поддержки находят ограниченное применение. Согласно концепту рационального выбора беднейшие слои населения являются «человеческим ресурсом» терроризма, основной группой вербовки. Абсолютная экономическая бедность выступает весомым аргументом «за» (человеку нечего терять), строгость наказания – весомым аргументом «против» (жизнь и свобода могут быть дороже материальных приобретений). Но в отношении террористов-смертников данная логика не подходит, бедность не является основанием рационального решения умереть. Обнародованные биографии 430 смертников Аль-Каиды опровергает представления об абсолютной депривации смертников (бедные, безработные, необразованные, отчаявшиеся люди). Среди смертников оказалось довольно много лиц, имевших прекрасное образование, хорошо оплачиваемую работу, т. е. успешных в западном смысле людей [13]. Рациональные объяснения есть продукт западного секуляризованного сознания, усиленного ценностями общества потребления, поэтому то, что приемлемо для западных рационально мыслящих рыночников, вероятно, не подходит для объяснения иных ситуаций, и незападного политического терроризма. Вряд ли может считаться научно корректным сведение ситуации террористов-смертников к рациональному выбору между потерей жизни и приобретением вечности в Царстве Аллаха.

Очевидно, чтобы пользоваться общественной поддержкой и признанием террористическая деятельность должна оказаться имманентной культуре данного общества. «Рациональные» мотивировки и модели обоснования работают только в том случае, если они соответствуют базовым принципам культуры данного общества.

Могучей силой легитимации и ключом к пониманию феномена общественной поддержки терроризма выступает идея справедливости. С древнейших времен справедливость

полагалась в качестве важнейшей добродетели и главного принципа мироустройства. Нормы справедливости соответствуют идеалу общественного устройства, и принимаются большинством населения, поскольку они обещают каждому человеку воздаяние по заслугам. Кроме того, идеал справедливости включает принципы, позволяющие человеку формировать пространство свободной реализации собственных интересов, с учетом интересов каждого.

Но принципы справедливости не столь универсальны, как могло бы показаться на первый взгляд. Они вытекают из универсальной природы человека, но содержание их многогранно. На содержание принципов справедливости оказывают влияние исторические условия, социальные установки, образ жизни социальной группы. Уникальность географической, исторической, социальной ситуации отражается в формировании собственного взгляда на мир, собственных, присущих этой этнической группе принципов нравственного сознания, формирует специфический образ жизни каждой этнической общности. В результате складывается собственная шкала оценки справедливого, заставляющая человека специфическим образом оценивать свои и чужие поступки. Так, западноевропейская историческая ситуация породила целый спектр представлений о справедливости: справедливость как честность и равенство перед законом, справедливость как порядок, справедливость как свобода от церкви, государства, общества, семьи, справедливость в распределении и статусе, справедливость как максимизация общей полезности всех членов общества, справедливость как достижение согласия различных слоев населения, как социальное равновесие, справедливость как сословная разграниченность, строгая иерархия в обществе, справедливость как равенство возможностей, расширение базовых прав человека, справедливость как постепенное достижение всеобщего благосостояния и т. д. [12]. Каждая из этих концепция может стать способом легитимации террора и терроризма в массовом сознании. И дело не только в том, что концепция сомнительна, и не в том, что «любая общественная проблема в принципе

может стать поводом для террористической кампании, любая идеология – ее основанием, любое общество ее ареной» [1]. Дело в том, что принципы справедливости отражают идеал общественного устройства и нормы жизни определенных социальных групп.

На рубеже XIX–XX веков социалистические принципы общественного устройства определяли идеал социальной справедливости. Иван Ильин писал: «Настоящий» студент призван прежде всего желать и требовать политического и социального «обновления». Он должен иметь «идеал» и содействовать какой-нибудь определенной партии, но идеал «один», другого нет. Это «социализм». Что такое «социализм», из чего он исходит, к чему ведет, как осуществляется – этого не знал никто» [7]. Студенчество 60-х годов XX века также негативно и резко было настроено против буржуазного строя и капиталистической действительности, как и русское студенчество против самодержавной монархии. Студенты выступали против капиталистической эксплуатации и безработицы, ввергающей человека в бедность, против дискриминации по любым мотивам – расовой, этнической, гендерной и т. д. Идеал справедливого порядка был близок многим людям, которые сами не решались на активные действия, но формировали позитивное общественное мнение в отношении террористов.

Фактор справедливости играет важную роль в противостоянии идей «исламского терроризма» и западного общества, исповедующего идеи и распространяющего принципы рыночной справедливости. Исламский мир основывается на всеобщем равенстве мусульман перед Аллахом, соответственно, принцип конкурентной справедливости не вызывает у них такого же преклонения, как в западном обществе. Ф. Н. Ильясов считает, что исламские идеи в современном мире заняли освободившуюся после краха социализма и марксизма идеологическую основу противостояния капиталистическому обществу и буржуазному стилю жизни, и поэтому для многих людей «обладают большей интегрирующей и мобилизующей силой, потому, что идеи социальной справедливости для значительной части народных масс в

целом ближе идей свободной конкуренции» [8]. Справедливой считается национально-освободительная борьба, поэтому действия террористов, сопровождаемые национально-освободительной риторикой находят отклик и сочувствие в некоторых слоях населения, поддержку международных организаций. Таким образом, квалифицируются действия чеченских сепаратистов, хотя по всем международным нормам Чечня являлась субъектом РФ и обладала суверенитетом.

Особым фактором развития общественной поддержки терроризма является неприятие того общества, против которого направлена террористическая атака. В зависимости от вида терроризма (внутренний или внешний) неприязнь может формироваться по отношению к институтам собственной страны или по отношению к другим странам. Исторические исследования российского политического терроризма показывают, что его распространение и широкая социальная поддержка основываются на ненависти к российскому государству и самодержавной монархии, неприязни интеллигентных слоев к укладу жизни российского общества, пренебрежению к русской культуре. Даже российская история подвергалась критике и сарказму. На фоне ненависти ко всему русскому культивировалось преклонение перед западом – не только перед его передовыми технологиями и организацией производства, но и политическими системами, образом жизни, культурой. Можно ли жалеть тот народ, который ненавидишь, или высказываешься по поводу его тупости и косности? Такой народ можно принести в жертву будущему идеальному мироустройству. Появление в лексиконе российской интеллигенции метафоры «тюрьма народов» в отношении России оправдывало национально-этнические виды терроризма.

Ненавидимой общественным сознанием может стать ценностная система в целом, легитимизирующая чуждый образ жизни. Так, столкновение цивилизаций, о котором сейчас много пишут, предполагает не только борьбу за жизненное пространство и мировые ресурсы, но и проблему ценностной конфронтации. Многие ценности и правила поведения исламского религиозного обще-

ства противоречат светской вестернизированной культуре. Неприязнь вызывает различие общественного устройства и претензии доминирующей страны – США на мировое господство и переустройство мира по образу Америки.

Максимализм террористов, их энергия разрушения находит отклик в сознании общества, если общество ощущает себя «безгласным», бессильным что-либо изменить, повлиять на социальное устройство, а власть оценивается как «глухая к нуждам и чаяниям народа». В этом случае, террор выступает средством, разрушающим, расшатывающим эту власть. О. В. Будницкий пишет, что «в переходе народников от пропаганды к террору в конце 1870-х годов решающую роль... сыграли факторы не логического, а скорее психологического порядка. Настроение революционеров, отчаявшихся вызвать какое-либо движение в народе, толкало их к более решительным действиям... Народовольцы, признавшись в безрезультатности пропаганды в крестьянстве, стыдливо объявили террор одним из пунктов своей программы» [3]. Терроризм представлялся радикальным средством расшатывания власти и приближения революции. О. В. Будницкий подчеркивает силу этого средства. Цареубийство доказало возможности хорошо организованной группы обыкновенных людей против мощи великой империи, которая оказалась неспособной противостоять ее воле: «Сообщения газет о раздробленных ногах божества сделали для подрыва «обаяния» правительственной силы больше, чем тысячи пропагандистских листов, вместе взятых». Многие в России считали, что царский манифест 1905 года был вырван из его рук атаками террористов. Таким образом, терроризм воспринимался населением, если не средством расшатывания власти и приближения революции, то, во всяком случае, способом запугать и вырвать у нее перемены.

Если народ расценивается как апатичная и косная масса, то интеллектуальная элита, стремящаяся к переменам, воспринимает террор как единственное средство не только повлиять на власть, но и всколыхнуть народ. В. Фигнер передает слова террориста Александра Соловьева: «Я бросаю место

волостного писаря и поеду в Петербург, чтобы убить императора Александра II. Бесплезно жить в деревне. Мы ничего не будем в состоянии сделать в ней, пока в России не произойдет какое-нибудь потрясающее событие. Убийство императора будет таким событием: оно всколыхнет всю страну. То недовольство, которое теперь выражается глухим ропотом народа, вспыхнет в местностях, где оно наиболее остро чувствуется, и затем широко разольется повсеместно. Нужен лишь толчок, чтобы все поднялось. Одна искра – и пожар вспыхнет» [17].

Особенности объектов – целей террористических атак формируют специфические формы социальной поддержки. Так, нападению может быть подвергнут человек, виновный перед народом или общностью, выдвигающей террористов. Политические террористы в России XIX «наказывали» жандармских офицеров, которые, по их мнению, жестоко обращались с политическими заключенными, либо государственных чиновников, издавших приказы, указания, инструкции, ухудшавшие жизнь народа. Высшей целью был царь – самодержец всероссийский, которого считали источником всех бедствий и препятствием прогрессивного развития России. В отношении этих акций гражданское население выступало сторонним наблюдателем, и его симпатии и антипатии зависели от политических пристрастий.

Современный терроризм сознательно атакует гражданские цели. Если его задача – привлечь внимание общественности, то осуществленный им террористический акт должен быть драматичным, шокирующим. Атака на военный склад или полицейский участок не произведет впечатление. Взрыв больницы или школы вызовет широкий резонанс. Если террористам необходимо получить согласие правительства, получить выкуп, добиться освобождения заключенных и т. д. террористы захватывают заложников, выбирая наиболее незащищенные цели. Население понимает, что правительство далеко, а оно само незащищено перед выступлениями террористов и испытывает страх. Страх населения превращает его в дополнительный канал давления на правительство. Таким образом, формирует-

ся тройственная структура объектов террористических атак:

1. Гражданское население как непосредственная цель и объект террористического насилия и атак.

2. Государство, правительство как субъект принятия политических решений, объект давления, но не насилия.

3. Общество, публика как информационная среда террористического акта и канал дополнительного давления на правительство.

Формой социальной легитимации терроризма выступает не только активная его поддержка, но и адаптация, равнодушное отношение к нему. П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают, что созданию устойчивого института предшествует опривычивание (хабитуализация) практик. Это первый этап их институционализации [2]. Рассматривать процедуры опривычивания терроризма можно в двух социальных ситуациях – в обществах, где террористическая угроза актуальна, и в обществах, где терроризм только возможен. Израиль представляет собой пример актуальной террористической угрозы. Опривычивание проявляется в готовности населения противостоять угрозе, заниматься подготовкой к отражению террористических атак, участвовать в обсуждении проблем и переговорных процессах. В тех регионах, где террористическая угроза не рассматривается населением как реальная, терроризм становится привычным событием из телевизора, областью забот правительства как международного субъекта и не требует никаких конкретных действий, конкретного отношения населения. Страна, в которой возможность терроризма не рассматривалась населением всерьез – это США, поэтому событие 11 сентября 2001 года стало шоковым ударом.

В России зона актуального терроризма – Северный Кавказ и отчасти Москва. В то же время события в Воронеже и Волгодонске показывают, что террористическая угроза существует и в других регионах. Но простые люди в силу различных причин и обстоятельств (возможно этим обстоятельством выступает атомизация российского общества) не видят эффективных путей борьбы с терроризмом, не верят в возможности

правоохранительных органов защитить их и желание политиков разрешить клубок противоречий, породивших национально-этническое напряжение в регионе. Бессилие притупляет страх по поводу террористической опасности, страх становится привычным, абстрактизируется. Другие проблемы, прежде всего экономическое выживание, воспринимаются более актуальными. Поэтому терроризм не становится фактором общественной мобилизации.

Социальная легитимизация терроризма происходит как спонтанное формирование народных симпатий, а может быть результатом спланированных PR-акций. Сам террористический акт, символический по своей природе, рассчитан не только на формирование атмосферы страха у противной стороны, но и на символическую победу над ним. Удачный террористический акт демонстрирует силу террористической организации, привлекая определенные категории сторонников. Публикации в прессе, телевизионные материалы могут быть специально направлены на формирование сочувственной атмосферы в обществе. Так, этнический терроризм в российской империи поддерживался пропагандой идеи «Россия – тюрьма народов». Серьезные исследователи могут писать огромные тома, опровергающие особые эксплуататорские устремления царизма, но пропагандистские листовки, использовавшие яркие образы и сравнения, работали более активно. В современном мире имеджирование политического течения или организации выступает сознательно стратегией и профессиональной деятельностью, использующей в качестве основных мишеней протеррористической пропаганды такие социальные и общечеловеческие ценности как честь и достоинство, социальная и общечеловеческая справедливость.

Завершая предварительное исследование проблемы социальной поддержки терроризма, определим основные формы этой поддержки:

1) участие населения в рекрутировании террористических кадров, несмотря на повышенный риск этой деятельности и постоянное «выбывание» действующих лиц;

2) активная организационная поддержка

– оказание материальной, финансовой помощи, укрытие террористов от органов правопорядка,

3) пассивная организационная поддержка – не оказание помощи органам, проводящим антитеррористическую деятельность, а также «ненамеренная помощь» террористам, как результат социального безразличия или выбора между необходимой бдительностью и алчностью в пользу полевых,

4) активная идейная поддержка – репродукция идейных основ терроризма, создание позитивного образа террористов в прессе и т. д.,

5) пассивная идейная поддержка – игнорирование важности и значимости проблемы терроризма, выведение проблемы терроризма за пределы актуальности общественного дискурса,

6) опосредованная поддержка – население выступает средой давления на правительство, заставляя его пойти на уступки террористам.

На основании вышеописанного можно заключить следующее:

1. Многообразие формулировок терроризма определяется сложностью и многоуровневостью данного социального явления. В качестве основных признаков терроризма исследователи выделяют его нелегитимность, незаконность, системный и массовый характер, действия с целью нагнетания страха на общество и давления на правительство.

2. Исследование терроризма как широкого социального явления следует основывать на понятии «конфликт». Это понятие позволяет рассмотреть терроризм как специфическое проявление универсальных тенденций развития социальных систем, позволяет совместить структурные и процессные аспекты исследования терроризма, а также совместить исследования терроризма на макро- и микроуровнях.

3. Социальная сущность терроризма определяется как способ разрешения социального конфликта в условиях предрасположенности общества или социальной группы к насильственным методам регуляции отношений, зачастую при отсутствии иных механизмов конфликтной регуляции и каналов коммуникации субъектов конфликта.

4. Большинство известных формулировок производны от политического, морального и правового сознания Запада. Формы террористической деятельности, инициатором которых выступают предстатели западных обществ, должны регулироваться на основании других подходов, чем изучение деятельности политических организаций, вписанных в национально-государственную политическую структуру в качестве оппонентов легальной власти.

5. К непосредственным социальным предпосылкам терроризма относится формирование экстраординарной политической или экономической ситуации. Глубинной социальной предпосылкой терроризма выступает социальный порядок, основанный на принципах насилия, институциональные и социокультурные особенности обществ, продуцирующих насильственные методы разрешения конфликтов.

6. Общественная поддержка терроризма включают устойчивые практики рекрутирования террористических кадров, активную организационную и идейную поддержку (оказание материальной, финансовой помощи, укрытие террористов от органов правопорядка, репродуцирование идейных основ терроризма, создание позитивного образа террористов в прессе и т. д.), пассивную идейную поддержку (игнорирование важности и значимости проблемы терроризма), опосредованную поддержку (формирование среды давления на правительство).

Литература

1. Баранов А. С. Проблематика социального прогнозирования террористических проявлений / Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском конгрессе. Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. – М., 2003. – Т. 2. – С. 341.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.

3. Будницкий О. В. Терроризм глазами историка: идеология терроризма // Вопросы философии. – 2004. – №5. – С. 15-16.

4. Жаворонков С., Яновский К., Шульгин С., Затковецкий И., Ротенберг В. Полити-

ко-экономические аспекты борьбы с терроризмом [Электронный ресурс] / Институт экономики переходного периода. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.iet.ru/publication.php?folder-id=44&category-id=116&pulication-id=4326>, свободный. – Загл. с экрана.

5. Иванов В. Н. Феномен терроризма (экспертные суждения и оценки) // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – №3. – С. 29.

6. Ильин И. А. Наши задачи: В 2 т. – Париж-Москва, 1992. – Т. 2. – С. 112.

7. Ильин И. А. Указ. соч. С. 113.

8. Ильясов Ф. Н. Терроризм – от социальных оснований до поведения жертв // Социологические исследования. – 2007. – №6. – С. 82.

9. Кожушко Е. П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. – Мн., 2000. – С. 124.

10. Кони А. Ф. Избранное. – М., 1989. – С. 350-351.

11. Ленин В. И. Поли. собр. соч. – Т. 25. – С. 95.

12. Семигин Г. Ю. Социальная справедливость и право. Основы взаимодействия // Социологические исследования. – 2009. – №3. – С. 72-82.

13. Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. – М., 2008. – С. 126.

14. Суворов А. И. Политический терроризм в России XIX – начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Социологические исследования. – 2002. – №7. – С. 59.

15. Толмач А. Д. Феномен терроризма в массовом сознании // Социологические исследования. – 2009. – №4. – С. 83.

16. Троцкий Л. Сталинская бюрократия и убийство Кирова // Публицистика русского зарубежья (1920-1945). Сборник статей. – М., 1996. – С. 202.

17. Цит. по: Суворов А. И. Указ. соч. С. 55.

18. Цит. по: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. – М., 2000. – С. 350.

19. Шнайдер Г. И. Криминология. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – С. 439.

20. Эрнст Г. Против терроризма. – М.: АПН, 1981. – С. 8.

21. *Jenkins B.* International Terrorism: A Problem//Contemporary Research on Terrorism Balance Sheet // Survival. – 1975. – July. – P. 184.
22. *Thackrah R.* Terrorism: A Definitional / Edited by Paul Wilkinson and Alasdair M. Stewart. –Aberdeen: Aberdeen University Press, 1989. – P. 32.

Поступила в редакцию

11 июня 2010 г.

Василий Александрович Чуланов – доктор философских наук, профессор кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ), заслуженный работник высшей школы, почетный гражданин г. Шахты.

Автор многочисленных работ по проблемам социальной стратификации, социологии управления, проблемам бедности и неравенства в современной России.

Vasily Aleksandrovich Chulanov – Ph.D., doctor of philosophy, professor of «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch, Higher education Honored member, freeman of Shakhty.

Author of numerous works, dedicated to problems of social stratification, sociology of management, poverty and inequality problems in nowadays Russia.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru

Владимир Николаевич Гурба – кандидат социологических наук, докторант кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ). Автор работ по проблемам социальных аспектов терроризма и экономического неравенства.

Vladimir Nikolaevich Gurba – Ph.D., candidate of sociology, working for doctor's degree at «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch. Author of numerous works, dedicated to problems of terrorism's and economic inequality's social features.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru